

Кир Булычев

Летнее утро



Часть сборника
Монументы Марса (сборник)



Кир Булычев

Летнее утро

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161552
Монументы Марса: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-18314-0*

Аннотация

«Я был немного простужен. Не болен, а так, простужен. Проснулся ночью от собственного кашля, а заснуть снова не смог.

Четыре часа. За окном светло. В парке, за домами, трудится соловей, а с балкона его перебивают воробьи. Перистые рассветные облака висят на жемчужном небе, и все вокруг нарисовано сильно размытой акварелью...»

Кир Булычев

Летнее утро

Я был немного простужен. Не болен, а так, простужен. Проснулся ночью от собственного кашля, а заснуть снова не смог.

Четыре часа. За окном светло. В парке, за домами, трудится соловей, а с балкона его перебивают воробьи. Перистые рассветные облака висят на жемчужном небе, и все вокруг нарисовано сильно размытой акварелью.

Мне захотелось курить. Глупая история: вроде бы выпался, хотя спал всего три часа. Я встал, выбрался на кухню и закурил там, стоя у окна.

Лето началось поздно. Июнь, а еще не отцвели одуванчики, серыми вязаными шапочками распускаются под окном, тополиный пух, словно выпущенный ими, поднимается вверх и застывает в воздухе. А зелень совсем свежая – дожди каждый день.

Скоро встанет солнце, разгонит акварельную нежность, придаст предметам объемы и вес. Все станет проще.

У леса на горизонте беззвучно тянется поезд. Оттуда, от сортировочной, доносится четкий голос диспетчера.

Куда идет поезд? Можно различить платформы и бурые товарные вагоны, аккуратные и миниатюрные, словно в детской железной дороге. Легко представить, как поезд про-

громыхивает сейчас мимо спящей пригородной платформы, доски которой еще влажны от ночного ливня, где пахнет мокрой листвой, а по близкой улице шуршит машина – везет молоко. Странно даже, как отчетливо я представил себе все это, хотя мне никогда не приходилось встречать рассвет на пригородной платформе.

А поезд уже набирает скорость, стараясь разбудить привыкшие к такому шуму дачные поселки, спящие среди пригородных лесков. Выгоняют коров, и петухи провожают их отчаянными воплями, словно прощаются навечно.

Я решил было лечь, но закашлял снова. Надо выпить воды.

Кран выбросил тугую, прямую, как палка, струю, струя разбилась о невытую посуду, и звук получился многообразным, в такое беззвучное время улавливаешь тончайшие оттенки шумов, пока они не задушены, не порабощены общим, неясным и скучным шумом дневного города.

А спать совсем не хотелось. И нелепо было стоять посреди кухни в трусах, любясь пейзажем, в то же время уговаривать себя вернуться в постель и проворонить это утро, забыть о нем, не ощутить вдоволь его ласковое одиночество.

Я оделся, стараясь не шуметь, не приближать дня. Ботинки исторгли из паркетины скрип, а дверь шкафа, когда я полез туда за чистой рубашкой, взвизгнула: вещи в квартире не согласны были беречь утро. Они не виноваты, у них нет глаз, чтобы разглядеть акварельность неба.

Пора уходить. А почему бы и нет? Сегодня воскресенье, мой день, который я намерен был, не будь этой счастливой случайности, провести бессмысленно, за видимостью дел или отдыха я мог бы упустить облака, отчаянное соревнование между соловьем и воробьями, для которых его изысканная музыка – пустая забава, а тут надо детей кормить, червяка ловить, отношения с соседями выяснять.

И так я проникся сочувствием к воробьиным проблемам, что спохватился, лишь очутившись на лестнице, тихо и осторожно поворачивая ключ в двери.

Разумеется, я не стал вызывать лифт. Нетрудно представить, как он загремит, зажужжит, карабкаясь на восьмой этаж, проклиная смазку и нахально хлопая дверьми, чтобы весь мир знал, с какой рани ему приходится трудиться.

Я бежал по лестнице, а за окнами лестничной клетки поочередно возникали ветви высокого тополя, растущего у подъезда, и сквозь них – длинное розовое облако. Запах влажной листвы, влетевший в распахнутое окно, родил во мне странное ощущение: словно удалось нечто важное, к чему стремился давно, словно во сне пришло решение неразрешимой задачи или был среди ночи телефонный звонок и долгожданный голос...

Шварк, шварк – широкими мазками метла дворничихи закрашивает невидимой краской серый холст асфальта. Это тоже рассветный звук – днем его не бывает.

Я шел по мостовой, и мои шаги были гулкими, как удары

сердца.

Почему люди не выходят из домов на рассвете, чтобы увидеть, как встает солнце? Неужели для этого нужно внезапное пробуждение, случайность? Неужели никто не догадывается о величине потери? Как славно догадаться и теперь не спешить, впитывать каждый шепот ветра в листве, следить взглядом за черной молнией стрижа, слушать гудение редкого городского шмеля!

По улице ехала машина. Медленно, словно гордясь тем, что тоже догадалась выбраться до солнца. Поливальная машина. Мне захотелось увидеть, как первые лучи солнца пронзят сверкающие веера воды, но не идти же вслед за машиной – тем более что к остановке подходит троллейбус. Совершенно пустой первый троллейбус, специально вышедший на линию, чтобы покатать меня по городу.

Я уселся у окна, и троллейбус, мягко двинувшись с места, сразу попал под струю воды, а сама машина за окном, сквозь струи, катящиеся по стеклу, казалась мягкой и текучей, словно на картине Сальвадора Дали. А в троллейбусе запахло водой, как будто он шел по берегу большого озера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.